Просветленные видят в темноте. Как превратить поражение в победу

Автор:
Олег Гор

Просветленные видят в темноте. Как превратить поражение в победу

Олег Н. Гор

Просветление без правил

Все мы время от времени оказываемся в такой ситуации, когда не получается ничего, любое предприятие заканчивается неудачей, а судьба постоянно ставит подножки, и чем больше стараешься исправить ситуацию, тем безнадежнее она становится. Именно это произошло с автором книги Олегом Гором: в одночасье он потерял налаженный бизнес, деньги, комфортное жилье, машину и даже друзей и стал объектом пристального внимания тайских бандитов – и опять пришел к необходимости переосмыслить и начать заново свою жизнь. А пройти через череду новых испытаний и извлечь из них полезный жизненный урок ему вновь помогает его духовный учитель, «неправильный монах» брат Пон.

Книга содержит подробные описания техник, позволяющих контролировать ум, тело и эмоции, сохранять присутствие духа, не бояться потерь и находить выход из самых сложных жизненных ситуаций.

Олег Гор

Просветленные видят в темноте. Как превратить поражение в победу

Пара слов от автора вместо предисловия

То, как началось и проходило мое обучение у неправильного монаха брата Пона, описано в книгах «Просветленные не ходят на работу» и «Просветленные не берут кредитов».

Несмотря на все пережитое, я оказался не готов к тому, что произойдет дальше.

Искренне надеюсь, что эта книга уничтожит надоевшую рутину обыденного существования читателей так же, как брат Пон в свое время уничтожил мою размеренную и приятную жизнь в Паттайе.

Названия и имена изменены, топографические ошибки допущены осознанно, любые совпадения случайны.

Глава 1

Явление из мрака

Мягкие руки легли мне на плечи, и хриплый женский голос, пахнущий сигаретами и ромом, прошептал:

– Пойдем танцевать. Ты же хочешь, я вижу… – Нет, спасибо, – отозвался я, с изумлением наблюдая за тем, как в душе поднимается отвращение. Ведь Аня – женщина красивая, умная, и за версту видно, что я ей нравлюсь.

– Ну и дурак! – фыркнула она и, проведя по моей шее коготками, направилась в обход стола.

Я вздохнул и пососал из соломинки, надеясь выдавить изо льда в стакане хоть немного арбузной мякоти: шейки в дорогом ресторане «Облико морале», где мы сидели, делали куда хуже и водянистее, чем у нас на Пратамнаке, зато стоили они в четыре раза дороже.

Друг мой, ради дня рождения которого я сюда приперся, успел надраться и выплясывал подгруппу «Тату» в компании пары красных, точно креветки,

туристок из Питера. Музыка орала, гоготали пьяные американцы за соседним столом, воняло потом, паленым виски и дешевыми духами.

Мне в такой обстановке было не то чтобы весело, в последние годы я утратил вкус к развлечениям подобного рода.

Нельзя сказать, что я и раньше пил много, теперь же совершенно не испытывал влечения к алкоголю. Да и вообще желания мои выглядели куда более спокойными и, если можно так выразиться, «прозрачными», чем до поездки на север Таиланда.

Из второго путешествия туда я вернулся чуть меньше года назад.

Аня, облаченная сегодня в красное короткое платье, обняла за мускулистые плечи Виталика, нашего дайвера, зашептала что-то ему на ухо, мстительно поглядывая на меня. Потом они дружно заржали и уже вдвоем уставились в мою сторону: он – насмешливо, она – с вызовом.

Я отсалютовал им нагревшимся стаканом и подумал, не заказать ли новый шейк.

Насмешка, один намек на которую некогда заставлял меня дергаться, теперь не трогала вовсе – нет, я ее замечал, регистрировал, но не испытывал по этому поводу никаких эмоций.

Аня распрямилась, вызывающе тряхнула рыжей гривой.

– Ты чо сидишь, братан?! – воскликнул наклонившийся в мою сторону Виталик. – Задремал?!

И в этот момент рядом с нашим столом появился невысокий, крепкий таец в вызывающе оранжевой майке и джинсах, «украшенный» копной сальных волос, почти целиком закрывавших его лицо.

Заметив этого типа, я испытал вялое удивление – и как только охрана пустила?

– Привет, чуваки! – воскликнул он по-английски, сочно рыгнул, пошатнулся и ухватился за спинку стула.

– Ты кто такой? – недовольно спросил Виталик на том же языке.

– Ваш друг! – воскликнул таец и игриво хлопнул по лысине здоровяка Толика, имевшего бизнес из нескольких кафе в Наклыа.

– Э! – недовольно проворчал тот, начиная подниматься. – Оборзел?

На английском Толик мог изобразить разве что пару ругательств и хрестоматийное «Май нейм из Вася».

Лицо Виталика перекосило от злости, я же не испытал ни раздражения, ни гнева. Спокойно отметил лишь, что голос тайца в джинсах я где-то слышал, и вроде бы не так давно, но, кажется, не в Паттайе.

Толик воздвигся над чужаком, как Годзилла над обреченным небоскребом, и, не тратя времени на слова, ударил. Откровенно пьяного тайца в этот момент качнуло впереди вниз, так что вышло нечто вроде поклона, и тяжелый кулак хозяина кафе прошел мимо цели.

Могучий замах повлек Толика дальше, и он тяжело, с матюками, кувырнулся через стул.

– Ну все, ты попал! – заявил Виталик, вскакивая.

Я был рад его появлению, но и испытывал смущение, что вижу монаха в такой виде.

Таец в этот момент распрямился, тряхнул головой, словно пародируя жест Ани, и я увидел его лицо!

Изумление шарахнуло меня подобно разряду тока.

Это был брат Пон, неправильный монах, мой наставник из вата Тхам Пу!

Но в таком виде, в каком я не мог представить его и в кошмарном сне: антаравасаки нет, голова не обрита, вместо сумки для подношений – наряд завсегдатая ночных клубов Паттайи, да и замашки под стать одежде!

– Стоп! Я разберусь! – поспешно сказал я. – Удержи Толика!

Наш большой друг поднимался, раздраженно пыхтя и сотрясая воздух ругательствами. Со стороны танцпола спешил качавшийся от выпитого именинник, в кильватере у него держались «креветки» из Питера, американцы от соседнего столика таращили глаза.

Чудно только, что никто из персонала не обратил на инцидент внимания.

Но размышлять над этой странностью я не мог в силу нехватки времени.

– Пойдем, – сказал я, аккуратно беря брата Пона за предплечье. – На воздух. Подышим немного.

Я был очень рад его появлению, но одновременно испытывал смущение, что вижу монаха в таком виде.

От души чуть отлегло, когда брат Пон подмигнул.

Нет, не может быть, чтобы он пил на самом деле, притворяется – лицедей из него изумительный, я это отлично знаю.

– Ща я ему врежу! – завопил Толик, но я уже не слушал.

Мы с братом Поном шагали между столами, причем двигался он ловко и уверенно, без пьяной расхлябанности, но при этом не забывал икать, глупо таращить глаза и выкрикивать «Хей-хоп!».

От смеха я удерживался с большим трудом.

Выход я выбрал не главный, и поэтому мы очутились не на шумной, залитой ярким светом и забитой людьми Уолкинг-стрит, а в погруженном во тьму, узком и довольно вонючем переулке.

Но внутри у меня в этот момент пели птицы и разносилось благоухание цветов.

– Брат Пон? – спросил я дрожавшим от волнения голосом. – Вы? Как? Откуда? Почему так странно выглядите?

На шее у монаха болталась золотая цепь, а джинсы были все в молниях и клепках.

– А ты как выглядишь? – отозвался он со знакомым смешком. – Осознай-ка! Забрался в кабак, битком набитый пьяными фарангами и продажными женщинами, и для чего? Ладно бы хоть получал от этого удовольствие, искренне отдавался порокам!

Щеки мои залило горячим, уши запылали:

– Но я…

Наверняка сказал бы какую-нибудь глупость, попытался бы оправдаться, но брат Пон перебил меня:

– Я выгляжу так, как мне нужно в данный момент. А сейчас я явился к тебе, пришел из благословенного мрака. Ведь я обещал, что найду тебя, что мы с тобой встретимся?

– Обещал, – я вспомнил наш последний разговор в заброшенном маленьком вате, крохотном, но уютном Тхам Пу. – Только вот сейчас не самое подходящее время…

– Что? – брат Пон вытаращил глаза так, словно с ним человеческим голосом заговорила жаба. – Неподходящего времени и места не бывает, есть только один момент, когда ты в силах что-то делать, что-то изменить и в конечном итоге обрести свободу. Называется он – сейчас.

Вот тут мне стало по-настоящему стыдно, я нервно кашлянул, почесал в затылке.

– Возвращайся туда, к своим друзьям, – неожиданно сказал монах. – Развлекайся. Только осознавай, где ты, что ты делаешь и зачем… Я тебя сам найду…

– А мы… ну… – я хотел поинтересоваться, в какое путешествие и когда мы на этот раз отправимся, но вовремя понял, что брат Пон не ответит, скорее всего, просто не обратит внимания на вопрос.

– Только не жди, что я буду тебя наставлять, – продолжил он, глядя на меня пронзительными глазами, что слегка поблескивали во мраке. – Я тебя ничему не учил. Вообще мне нечему тебя обучать.

В первый момент я решил, что ослышался.

А как же храм в джунглях и то, что там происходило, и как же наше длинное, полное событий путешествие? Чем мы занимались все это время, как же лекции, наставления и разные упражнения?

– К-как? – это прозвучало как жалкое, придушенное карканье.

– Не пыжься, все равно сейчас не поймешь, – брат Пон, судя по широкой ухмылке, наслаждался моим замешательством. – На, этот предмет поможет тебе лучше тысячи слов.

И он положил мне в ладонь нечто прохладное и гладкое.

А затем ободряюще хлопнул меня по плечу, отступил в сторону и сделал вроде бы всего один шаг в сторону Тапрайя-роад, но при этом растворился в темноте, не оставив ни движения, ни звука.

Вернувшись в ресторан, я обнаружил, что держу алую гроздь цветков бутен.

В точности такую же, какую я год назад сорвал с высокого дерева – не протягивая рук, не забираясь по веткам, не приставляя лестницы и не

забрасывая веревки, исключительно перестроив сознание.

Следующим утром пришлось встать рано, поскольку меня ждала вторая часть дня рождения – Виталик подарил имениннику дайв-трип, и мы заранее решили, что все тоже поедем нырять.

Поднялся я в редкостно тяжелом настроении, неприятное послевкусие от разговора с братом Поном не развеялось, даже стало сильнее, возникло ощущение, что наставник поймал меня на чем-то постыдном, запретном. Не помогло и созерцание цветка бутен – зачем монах выдал мне эту штуку, на что она должна намекать?

И что значили его слова насчет того, что он меня никогда не наставлял и ему нечему меня обучать?

Я отловил ближайшего таксиста-мотобайщика и поехал на пирс Бали Хай.

Народу на лодке дайв-центра «Человек-амфибия» было, как всегда, полно, туристы рассаживались по шезлонгам на верхней палубе, суетились команда и дайвмастера, белозубо скалился капитан.

Аня показала мне язык, страдающий от похмелья Толик выдавил хмурую улыбку.

Взревел двигатель, и наше судно, качнувшись, принялось неспешно отходить от причала. Чтобы сохранить равновесие, я ухватился за поручень и невольно пихнул стоявшего ко мне спиной мужчину.

Вернувшись в ресторан, я обнаружил, что держу алую гроздь цветков бутеи.

– Извин… – начал я и осекся, поскольку мужчина повернул голову.

Это оказался брат Пон, но на этот раз он выглядел совсем иначе: волосы собраны в аккуратный пучок на затылке, вместо джинсов обычные шорты, какие по сто бат на любом развале, голый торс, и золотая цепь с шеи исчезла.

Ничего удивительного, что никто из наших его не узнал, если кто и увидел, то принял за обычного туриста откуда-нибудь из Бурятии или Узбекистана.

– Что, не ожидал? – спросил монах, проказливо хихикнув.

В этот раз меня вместо замешательства охватило необычайное спокойствие, миг я словно наблюдал сцену нашей встречи со стороны, а затем мир вокруг меня одновременно рассыпался и обрел удивительную, живую целостность. Закрутилось колесо из тысяч элементов восприятия: запахов, фрагментов осязания, звуков, мыслей и эмоций, зрительных образов.

Все это было мной, и внутри меня, и снаружи, и, несмотря на кажущийся хаос, складывалось в необычайную гармонию, сложный порядок, от которого я мог уловить лишь обрывки.

За год, прошедший с момента нашей последней встречи с братом Поном, я несколько раз впадал в это состояние, называемое им «преддверием бодхи», и порой задерживался в нем на часы, но никогда не переживал его с такой остротой.

Через мгновение все стало как раньше.

– Вот видишь, – сказал он. – Уже есть какая-то польза от того, что мы встретились. Только разве это можно назвать обучением?

Слов у меня в этот момент не нашлось, да и желания говорить не обнаружилось.

– Пойдем, – продолжил монах. – Надо на тебя посмотреть как следует.

И мимо будочки, внутри которой помещались дайвмастера, по лестнице вниз мы спустились на нос и уселись рядом с форштевнем, по тайскому обычаю обмотанным полосами разноцветной ткани и украшенным гирляндами желтых цветов в честь духов-покровителей.

Некоторое время брат Пон меня рассматривал, а я боролся с ощущением, что его «рентгеновский» взгляд пронизывает тело насквозь и видит все, вплоть до затаенных желаний и содержимого кишечника.

– Нормально, – сказал он. – Ты растерял кое-что, это было неизбежно… Но главное! Главное ты сохранил.

Я расслабился и облегченно вздохнул.

Жизнь моя в последний год не была лишена проблем, но они меня более не волновали. Я почти всегда находил возможность изменить поток событий так, чтобы он меня устраивал. В любой сутолоке и горячке отыскивал время, чтобы заняться упражнениями: полным осознаванием, когда ты отдаешь себе отчет во всем, что происходит вокруг или внутри, установлением в памяти, когда желание то разжигается до невероятной силы, то гасится, или разложением объекта на части, когда объект восприятия в результате направленной медитации теряет связность, распадается на ряд отдельных явлений.

Эмоции никуда не делись, но теперь я повелевал ими, а не наоборот.

Удивительно, но перемен во мне и в моем характере никто и не заметил, ну а я не спешил делиться переживаниями с друзьями, знакомыми или даже родственниками, время от времени приезжавшими из России.

– Теперь рассказывай, что помнишь из моей науки, – брат Пон хлопнул себя по коленям и ожидающе на меня уставился.

Я почесал в затылке и начал говорить…

Струи восприятия, которыми мы на самом деле являемся, восемь видов сознания, формирующих человеческое существо – зрительное, слуховое, обонятельное, вкусовое, осязательное, ментальный регистратор образов внутреннего мира, потом ум, комбинирующий объекты шести предыдущих, и за всем этим – сознание-сокровищница, алая-виджняна, истинный центр всего.

Эмоции никуда не делись, но теперь я повелевал ими, а не наоборот.

Именно она, используя «семена», следы прошлых деяний, «выращивает» события нашей жизни, разворачивает их в определенной последовательности. При этом не имеет особого значения, как воспринимать эти события – как перемещения объектов в материальном мире или как нескончаемый поток дхарм.

Ведь и за тем, и за другим лежит пустота, шуньята, нечто неописуемое, но доступное для восприятия.

Правда, воспринять его способен лишь тот, кто сумеет осуществить «поворот в основании», сможет прервать цикл прорастания «семян», появления из них плодов и новых «семян», оторвать внимание сознания-сокровищницы от иллюзорных объектов внешнего мира.

Обратить его внутрь, на самое себя.

– Неплохо, – сказал брат Пон. – Есть фундамент, на котором мы построим здание. Возведем дворец не-обучения…

Я хотел спросить, что он имеет в виду, но монах не дал мне вставить и слова.

– Иди, – буркнул он, толкнув меня в бок. – Скоро тебя позовут.

Обернувшись, я увидел, что прямо по курсу из морской бирюзы вырос прыщ островка Ко Рин, а это значит, что вот-вот начнется обязательный для всех брифинг перед погружением.

Отныряли мы замечательно.

Виталик сводил нас под воду сам и показал много интересного – и мурену, чья башка торчала из норы, и полупрозрачных каракатиц, и акулу-няньку, засевшую в логове под кораллами.

Так что на лодку после второго дайва я выбрался довольный как слон.

Но едва успел стащить гидрокостюм, как рядом объявился улыбающийся брат Пон.

– Самое время для практики, – промурлыкал он. – Проверим, что ты можешь.

«Внимание дыхания», что начинается со счета вдохов, далось мне без малейшего труда, в состояние смрити, полного осознавания, я вошел к тому моменту, когда сполоснулся и, переодевшись, вернулся на верхнюю палубу.

Каждый вдох, положение тела, движение мыслей и чувств, ситуация, в которой я нахожусь, – все вместе и в то же время по отдельности, обвивающие друг друга, но не сливающиеся между собой потоки, в совокупности называемые обычно «личностью», «персоной», «я».

«Созерцание объекта» я выполнил тоже достаточно быстро, вызвал из памяти образ дерева, над которым некогда медитировал в джунглях, и вот оно, торчит из палубы меж возбужденными туристами.

Но не успел я обрадоваться успеху, как под ногами у меня словно разверзлась бездна.

Алчное, леденящее ничто, прячущееся за карнавальной маской обыденности…

– Тихо, тихо, – сказал брат Пон, беря меня за предплечье.

От его прикосновения все тело слегка встряхнуло, по позвоночнику побежала теплая, щекочущая волна, и я оказался в обычном, разве что несколько раздраженном состоянии. Мгновением позже я ощутил гнев, который сменился разочарованием, печалью, а потом эмоции сплелись в тугой колючий клубок где-то в груди.

«Это не мое, это не я», – подумал я, пытаясь отстраниться от этого половодья чувств.

Ощущение пропасти под ногами я несколько раз переживал во время прошлого учебного «семестра», и всегда оно пугало меня до полусмерти, оставляло разбитым и опустошенным.

– Это в одно и то же время и ты, и не ты, – брат Пон, как обычно, словно читал мои мысли. – А кроме того, ты еще не до конца избавился от аффектов, от тех иллюзорных пут, что привязывают нас к сансаре.

– Но если они иллюзорные, то какой смысл с ними бороться? – с трудом выдавил я, немного справившись с собой.

– Смотри, допустим, ты столкнулся с тяжелой болезнью, – сказал брат Пон.

Я кивнул.

– Страдания, как ты ныне прекрасно знаешь, не имеют реальной сущности. Представляют собой не более чем мгновенно длящиеся комбинации впечатлений-дхарм.

– Ну да, – подтвердил я, хотя и без особой охоты.

– Но это же не значит, что болезнь не нужно лечить?

Я заморгал, пытаясь ухватить концепцию.

– Да, алчность и ненависть точно так же не имеют истинного существования, – продолжил монах. – Но они могут порождать карму, вызывают появление новых «семян». Прорастая, те вызывают ситуации, неизбежно связанные со страданием… ведь так?

Логика брата Пона выглядела безупречной, но меня она в этот момент не радовала совершенно.

– Поэтому с устранения аффектов, на санскрите именуемых клеша, все и начинается.

– То обучение, которого на самом деле не было? – пробормотал я с недовольством в голосе.

– Именно! – монах просиял. – А теперь посмотри на этих людей… Что ты видишь?

Туристы, получившие в момент посадки таблетки от морской болезни, дремали в шезлонгах, мои друзья во главе с именинником собрались в кучку и оживленно что-то обсуждали.

– Образы, порожденные моим сознанием, – еще более мрачно заявил я.

– Тоже верно, – согласился брат Пон. – Но за этими образами есть другие существа. Разумные, обладающие таким же осознанием, как и у тебя…

– Ну, не совсем таким же!

– Их алая-виджняна ничем не отличается от твоей, уж поверь мне. Абсолютно. Сияет, будто солнце на внутреннем небосводе, только вот скрыта плотным слоем облаков.

– Тогда к чему то, через что я прошел? – поинтересовался я почти с отчаянием. – Неужели все зря?

– Как сказал один из древних: «Нет ни одного живого существа, что не было бы наделено истинной мудростью. Только цепляющиеся за омраченное сознание не могут реализовать ее. Если же отсечь омраченное сознание, то истинная мудрость тут же воссияет».

С дайв-бота я сгустился в более спокойной, но все еще мрачном расположении духа.

Я открыл рот, чтобы обрушить на брата Пона лавину вопросов, но он остановил меня, подняв руку:

– Поразмысли об этом. После того, как справишься с эмоциями.

С дайв-бота я спустился в чуть более спокойном, но все еще мрачном расположении духа.

– Ну что, поехали? – заявил брат Пон после того, как я распрощался с друзьями.

Удивительно, но никто из них, даже ехидная Аня, не сказал ничего по поводу того, что я всю дорогу болтал с неизвестным тайцем.

Монах, для того чтобы сойти на берег, приоделся, дополнил шорты сандалиями и яркой безрукавкой, сплошь покрытой вышивкой, а на плечо повесил рюкзак, потрепанный, но крепкий.

– Куда?! – осведомился я, ощущая, как в душе поднимается волна ужаса.

С брата Пона станется отвезти меня на автостанцию, облачить в монашеское одеяние и утащить на пару-тройку месяцев в какой-нибудь дикий угол Таиланда, а то и за его пределы.

– Не пугайся, – он ухмыльнулся, показав ровные зубы. – Всего лишь к тебе. Посмотрю, как ты живешь… и надо же мне где-то переночевать?

Дела в последний год у меня шли очень хорошо: и интернет-магазин, и обычные приносили достаточно денег, поэтому я недавно переехал из одного кондо в другое, по соседству, снял большие апартаменты с видом на море.

– Поехали, – отозвался я, и мы направились к моей машине, запаркованной на площади около пирса.

Увидев черный ниссановский пикап, брат Пон удовлетворенно хмыкнул.

– Нормально ты тут устроился, – сообщил он.

Всю дорогу до дома я просидел как на иголках, ожидая от монаха очередной каверзы. Охранник, запуская меня на парковку под кондоминиумом, сдержанно кивнул, а на моего спутника покосился с изумлением.

Брат Пон высунулся в окно и сказал что-то по-тайски.

Охранник заулыбался, точно встретил близкого родственника, а затем хлопнул себя по лбу и рысцой побежал за машиной.

– Мистер Олег! Мистер Олег! – закричал он. – Тут вас спрашивали! Двое!

– Кто и зачем? – осведомился я, выкручивая руль, чтобы заехать на свободное парковочное место.

Охранник нахмурился и пожал плечами:

– Мужчины… Не фаранги…

Пара тайцев наводила справки обо мне в кондо, где я живу? Зачем? Что им надо?

В лифте я встретил соседей с девятого этажа, со мной они любезно поздоровались, а вот на брата Пона уставились с натянутыми ухмылками. Решили, должно быть, что я завел себе дружка из голубых, но почему-то не нежного юношу, а мужика в возрасте, с сединой в волосах.

Начнут ведь трепать языками направо и налево…

Апартаменты у меня были не чета прежнему жилищу – большая спальня, гостиная, кухня, кладовая, да еще и балкон, на котором умещается не только стол с двумя стульями.

– Добро пожаловать, – сказал я, запуская брата Пона внутрь. – Я у вас в гостях был. Теперь вы…

Монах усмехнулся, но промолчал.

Зато, войдя в комнату, направился прямиком туда, где располагался небольшой стеллаж – книги, диски с музыкой и фильмами, безделушки и подарки, которые больше некуда деть.

– Хорошая штука, – сообщил брат Пон, взяв с полки вазу из чешского хрусталя.

И не успел я ответить, как он швырнул ее об пол.

Сорняки должны вырасти, чтобы их можно было выдернуть. Как же иначе?

Раздался звон, сверкающие осколки полетели в стороны, ну а я замер с открытым ртом.

– Что… что вы делаете? – выдавил я, когда первый шок прошел.

– Встряхнись! – рявкнул монах. – Проснись! Осознай, где ты и что ты! Быстро! Полный срез по всем сознаниям!

Мне понадобилось несколько минут, чтобы понять, что именно он от меня хочет.

– Какие запахи ты осознаешь! Что касается твоего тела! Быстрее! Не раздумывай! Осознавай!

Ветер шевелит занавеску у балконной двери, несет мягкий аромат Сиамского залива… орет внизу, на пляже, тайская торговка… майка неприятно липнет к спине… во рту послевкусие от пончиков, съеденных на лодке… мысли о том, что ваза, разбитая братом Поном, стоила бешеных денег…

Ничего себе срез! Вот уж точно, ничем я от друзей не отличаюсь.

Накатила печаль, и ее я тоже осознал, но фиксироваться на ней не стал, и она быстро растворилась без следа.

– Вот так, хорошо, – сказал брат Пон, усаживаясь на диван. – А то ты сладко спал. Погрузился в дрему обычной жизни, и кого волнует, что в ней присутствовали всякие медитации и мысли об освобождении… Теперь я буду встряхивать тебя регулярно, и если для этого понадобится разбивать или ломать что-то, то я буду это делать.

Я вздохнул: в том, что монах способен на подобное, сомнений не было.

– Почему, когда я рядом с вами, из меня постоянно лезет что-то не очень приятное? – спросил я. – Только вчера я думал, что забыл о таких вещах, как злость и раздражение, и вот здравствуйте…

Брат Пон заухмылялся и ответил:

– Сорняки должны вырасти, чтобы их можно было выдернуть. Как же иначе? Вспомни обезьяну, что каталась на спине Просветленного и лупила его палкой, когда он воплотился в образе буйвола… Ведь он мог растоптать ее копытами или поднять на рога, но он терпел, даже когда она швыряла комьями тины ему в глаза или мешала пастись, дергая за хвост. А все потому, что она не давала ему «задремать» и позволяла отследить малейшие движения аффектов в сознании, хотя там от них были всего лишь следы… Удивленному лесному духу, что спросил Просветленного о причинах его смирения, тот ответил: «Ведет себя он так, словно старается мои грехи очистить. И если кротость я не проявлю, то кто же, как не я, окажется неблагодарным?»

После краткой паузы он добавил:

– Если рядом с наставником ты ощущаешь только благость и счастье, то либо ты уже достиг окончательного бодхи-освобождения, либо с этим наставником что-то не совсем правильно.

– С наставником, который меня ничему не учил и учить не собирается? – уточнил я полушутливо.

– Совершенно верно! – монах важно кивнул. – Только так и можно научить. Отправляйся теперь за веником и совком, а то еще порежешься…

Мы сходили поесть в одну из кафешек по соседству, а когда вернулись, брат Пон заявил:

– Сейчас ты будешь заново учиться медитации на объекте. Располагайся.

Он облюбовал все тот же диван, ну а мне пришлось устроиться на полу, на толстом ковре.

– Раньше ты упражнялся с деревом, теперь же вместо него будет человек, – продолжил монах.

– Человек? – удивился я. – Какой?

– Ни в коем случае не бери моделью кого-нибудь из знакомых и тем более не сосредотачивайся на известных личностях… Наилучший вариант – отталкиваться от качеств, противоположных тем, что есть в твоей собственной персоне… Ну, пол мы, пожалуй, оставим… Глаза у тебя темные, пусть у него будут голубые, волосы у тебя русые, пусть у него иссиня-черные, и так далее… Понял?

Я кивнул и принялся за дело.

Сознание, привыкшее к тому, что медитация идет определенным образом, поначалу упорно подсовывало мне образ дерева, знакомого до последнего листочка и трещины в коре.

На то, чтобы отодвинуть его в сторону, мне понадобился не один час.

А затем я попытался воткнуть на место объекта созерцания некое человеческое существо… Проблема в том, что дерево я некогда взял из реальности и долго разглядывал перед тем, как восстановить мысленно, а тут все предстояло конструировать с нуля, исключительно силой фантазии.

От усилий я даже взопрел, хотя солнце давно зашло, и у меня в апартаментах было вовсе не жарко.

Возник образ, сначала размытый, затем все более и более четкий: жилистый носатый тип с маленькими ушами, облаченный в рубаху цвета хаки с

закатанными рукавами, джинсы и полувоенные ботинки, с рыжими усишками и того же цвета бородкой, но совершенно лысый.

Я держал его в сознании, разглядывая, добавляя детали – морщинка над переносицей, правый глаз чуть больше левого, губы пухлые, выпяченные, да еще и волоски на костяшках пальцев.

В один момент человек этот задвигался, недовольно мотнул башкой, и в следующий миг я потерял концентрацию.

– Достаточно, – сказал брат Пон, и я заморгал, возвращаясь к реальности.

Судя по ломоте в спине, просидел я неподвижно не один час, да и за окнами уже начало светать. Я зевнул, с удивлением отметив, что, по большому счету, не особенно хочу спать, а вместо ожидаемой вялости ощущаю прилив бодрости.

– Теперь ты должен поддерживать его, вкладывать силы и энергию в этот образ, – настойчиво проговорил монах. – Необходимо его оживить, понять, как он говорит, двигается, какие у него любимые словечки, почему он с такой неприязнью относится к неграм.

Я нахмурился, пытаясь сообразить, к чему эта деталь.

Но времени на размышления не оказалось, поскольку брат Пон безо всякого перехода заявил:

– Но заниматься будешь уже в другом месте… Сегодня ты должен съехать отсюда.

В ушах у меня зашумело, в горле пересохло, изо рта вырвалось судорожное:

– К-как? Почему? Мы все же уезжаем?

– Нет, Паттайю ты в ближайшее время не покинешь, но жить тут не будешь.

– Но как?! Я не могу! У меня же это… здесь…

Человек задвигался, недовольно мотнул башкой, и я вмиг потерял концентрацию.

Я мог сказать, что заплатил за два месяца вперед да еще внес депозит, что в кондо быстрый и стабильный Интернет, нужный мне для работы, а в Таиланде это вообще редкость, что район Пратамнак мне нравится, что он всем удобен и что я к нему привык…

– Но как же друзья, знакомые? – пролепетал я, понимая, что для брата Пона эти аргументы не будут иметь никакого значения.

– Те, что воспринимают тебя в первую очередь по одежке, то есть по жилищу? – лицо монаха украсила презрительная ухмылка. – Живешь в крутом кондо – молодец, обитаешь в строении попроще – все, неудачник и общаться с тобой после этого не стоит. Какое тебе до них дело?

– Но я нахожусь в окружении людей…

– Быть в окружении людей – не значит рабски подчинять себя их представлениям. Ожидания и мнения других по твоему поводу не имеют значения, и в первую очередь потому, что они иллюзорны, что это всего лишь образы, созданные твоим сознанием. Неужели ты до сих пор веришь, что способен воспринимать намерения и мысли тех, кто находится рядом?

Это заявление мне крыть оказалось нечем.

– Но… – попытался вставить я, не очень понимая, что именно собираюсь сказать.

– Кроме того, даже если они реальны, то почему ты строишь жизнь, исходя из чужих интересов? – сурово заявил брат Пон, не дав вставить и слова. – У тебя есть свои. Вспомни о них… Ну да, беспокоиться о том, что думают другие, куда проще, чем заниматься очищением собственного мышления, поэтому люди обычно выбирают первое… Как ты намерен обрести свободу, если позволяешь щупальцам мнений, взглядов и предубеждений держать тебя?

У меня мелькнула мысль, что безо всех этих «щупалец» легко жить где-нибудь в джунглях, где тебя никто не видит, что в обществе от них избавиться невозможно, разве что радикальными мерами… Ее сменила другая, что, может быть, за этим брат Пон и явился сюда, в Паттайю, туда, где я не являюсь учеником монаха в пропыленной антаравасаке, а веду обычную жизнь?

И эта мысль испугала меня не меньше, чем идея оставить апартаменты.

– Почему вчера в лифте ты позволил возникнуть беспокойству по поводу того, что тебя сочтут любителем секса с мужчинами? – продолжил он, не давая мне опомниться. – Пусть считают кем угодно! Это проблема лишь в том случае, если ты сам придаешь ей значение, наделяешь ценностью!

– Но где я буду жить? – спросил я жалобно. – Все равно надо же где-то ночевать! Машина еще…

– Проблемы будем решать по мере их возникновения, – сказал брат Пон, вставая с дивана. – Первейшая же из них, поверь мне, для тебя состоит в том, чтобы избавиться от всего этого.

И он повел рукой, указывая на мое жилище, такое уютное, престижное и удобное…

Вид у меня, когда я с утра приперся к менеджеру, был наверняка очень жалкий.

По крайней мере, я мямлил и запинался, пытаясь объяснить, почему я должен съехать прямо сегодня же и что вовсе не настаиваю на том, чтобы мне отдали назад аванс и депозит…

Пожилая китаянка, управлявшая нашим кондо, посмотрела на меня как на идиота.

Так что я вернулся в апартаменты через час и сообщил брату Пону, что у меня есть время до вечера, чтобы освободить помещение.

– Великолепно! – заявил он с энтузиазмом. – Какой шанс для тебя!

– На что? – спросил я уныло.

– Чтобы избавиться от того хлама, которым ты пытаешься отгородиться от пустоты. Я тут осмотрелся…

Уныние мое сменилось ужасом.

Я протестующе вскинул руки, издал судорожный писк, но сказать ничего не успел.

– Э… я думал… перевезти вещи в подсобку в магазине… там найдется место…

– У меня есть мысль получше, – и брат Пон вполне по-демонически оскалился. – Выкини это барахло.

Нет, я и раньше не страдал тягой к накоплению вещей, а уж после знакомства с неправильным монахом и вовсе стал относиться к шмоткам равнодушно, но когда ты живешь на одном месте и имеешь возможность покупать все, что душа пожелает, то ты невольно обрастаешь предметами… Вроде бы и это нужно, и вон то еще, а как обойтись без вон той штучки?..

– Не хочешь выкидывать – раздари, – пожал он плечами.

– Но… но…

– Подумай о том, что тебе на самом деле нужно, – продолжил брат Пон весело. – Вспомни, насколько легко и приятно существовать, не имея ничего, кроме одежды и сумки для подношений!

«Ну да, в вате или стойбище диких аскетов», – хотелось сказать мне, но я смолчал.

Вот, например, подарок от брата – монгольская маска, оскаленный синекожий демон… Или картина с видом Толедо, напоминание о давнем, еще прошлого века, путешествии в Европу…

Разве можно избавиться от них просто так?

– Не стой столбом, а то я сам все сделаю, – и брат Пон, распахнув дверцы шкафа с одеждой, принялся выгружать шмотки прямо на пол.

Я протестующе вскинул руки, издал судорожный писк, но сказать ничего не успел. Внутри меня нечто переместилось, словно желудок поменялся местами с печенью, и я ощутил, как отступает беспокойство, рассеивается тревога, исчезает страх.

Сгинула эгоистическая фиксация, сосредоточенность на интересах того фальшивого скопления ощущений, которое мы обычно именуем собой, я вошел в «состояние Пустоты». Мягкий щекочущий покой заполнил меня до горлышка, я перестал соотносить каждое действие с собственной личностью, с пользой и вредом для нее.

И отправился на кухню, туда, где хранились пакеты для мусора.

Путешествие в Толедо я помню и так, а брат наверняка давно забыл, что подарил мне эту маску, да и вероятность того, что он приедет в Таиланд и проверит ее наличие, близка к нулю…

Я не особенно задумывался, что именно делаю, складывая в мешки одежду, посуду, безделушки, вовсе неведомо как попавшее ко мне барахло вроде порванных ласт, старого пляжного покрывала с прожженной дырой в центре или набора полиролей для мебели.

– Отлично, только не останавливайся, – приговаривал брат Пон, помогая мне. – Замечательно… Кому-то приходится заниматься такими вот вещами, чтобы добиться свободы, а кому-то достаточно посетить Лумпини, место рождения Просветленного, Бодх-Гаю, где он обрел просветление, Сарнатх, отмеченный тем, что там пришло в движение Колесо Дхармы, и Кушинагар, место его ухода в окончательную нирвану, расставания с миром иллюзий.

В другой ситуации я обязательно начал бы задавать вопросы по поводу этих географических пунктов, но в этот момент небосвод моего сознания не омрачила даже крошечная тучка интереса.

Зато когда принялся выносить мешки и отвозить их на лифте вниз, к мусорным бакам, невольно вспомнил наше с братом Поном бегство из деревни мои в Лаосе. Тогда я точно в таком же состоянии Пустоты, достигнутом, правда, куда с большим трудом, сумел незамеченным выскользнуть из охраняемой хижины.

Сейчас же обитатели нашего кондо, обычно любопытные и охочие до того, чтобы совать нос в проблемы соседей, не обращали на меня внимания, хотя занимался я не самым обычным делом. Встретившиеся в коридоре или внизу, на стоянке, проходили мимо, ехавшие вместе в лифте смотрели в сторону, будто меня рядом не было.

Монах не ошибался, утверждая, что люди реагируют на грохот мусора, который мы обычно носим внутри.

К тому времени, когда побагровевшее и раздувшееся солнце повисло над морем и заглянуло в окна апартаментов, я вынес из них практически все, что мог считать своим. Оставшиеся вещи сложил в рюкзак: ноутбук, пару смен белья, зубную пасту со щеткой и бритву, ну и папку с документами.

В этот момент я ощущал невероятную легкость, готовность воспарить над полом, но одновременно и слабую печаль, словно расстался с дорогим сердцу предметом, оставить у себя который не позволяют обстоятельства.

Осматривая комнату в последний раз – не забыл ли чего, – обнаружил на телевизоре алый цветок бутен.

– Брат Пон, – сказал я, вертя его в руках, – зачем вы дали это мне позавчера?

– Ну как зачем? – монах усмехнулся. – Как напоминание о том, что мир текуч. Изменчивая реальность всецело определяется нашим сознанием и выглядит стабильной только потому, что мы ее таковой делаем. Неужели ты запамятовал, как сорвал это с ветки?

Когда мы вышли в коридор и я запер дверь на ключ, из соседних апартаментов вывалились приятели-немцы, типичные европейские богатые пенсионеры, каких в Паттайе не меньше, чем мух на помойке.

Один из них жил тут, другой регулярно приходил к нему в гости, выпить пива, посмотреть футбол.

– А-а-а! – завопил один, увидев меня. – Май френд! Халло! Халло!

Но в следующий момент в голубых глазах возникла неуверенность, и их хозяин принялся чесать в затылке. Второй пенсионер буркнул что-то по-немецки, и они затопали в сторону лифта, обмениваясь репликами.

– Ну вот, ты почти уже перестал существовать, – сказал брат Пон. – Это здорово.

Мы спустились на первый этаж, где я отдал ключи менеджеру.

– От машины тоже нужно избавиться? – поинтересовался я, когда мы подошли к моему «Ниссану».

Продать автомобиль можно, но сделать это быстро, за день-два, не выйдет, поскольку зарегистрирован он не на меня лично, а на мою фирму.

– Нет, она нам пригодится, – брат Пон нежно похлопал автомобиль по капоту. – Забирайся, поехали, мне как раз нужно навестить друзей…

Не задавая вопросов, я уселся за руль.

Я не волновался по поводу того, куда мы направляемся и где я буду ночевать.

Отсалютовал выпустивший нас со стоянки охранник, мы покрутились по переулкам Пратамнака и направились в сторону центра: я поворачивал туда,

куда мне говорили, перестраивался, когда надо, и не волновался по поводу того, куда мы направляемся и где я буду ночевать.

В крайнем случае можно устроиться и в автомобиле: не очень удобно, но терпимо.

Из состояния мертвенного спокойствия я вышел, когда осознал, что мы запарковались на Третьей улице и шагаем в сторону Сои Бокао, длинного извилистого переулка, сплошь утыканного гоу-гоу барами, массажными салонами откровенно бордельного свойства и мелкими гостиницами, где можно без проблем снять на ночь комнату с кроватью размера кинг-сайз.

Едва приехав в Таиланд, я пару раз отрывался тут по полной, ну и потом водил на «экскурсию» приехавших в гости приятелей.

– Здесь живут ваши друзья? – спросил я, ощутив легкий укол недоумения.

Брат Пон и Сои Бокао – эти два явления просто не могут стоять рядом!

– Не только живут, но и работают! – ответил монах, ничем не напоминавший в этот момент служителя Будды.

К этому времени начало темнеть, загорелись вывески баров и гостиниц, на обочинах появились ярко размалеванные девицы на высоких каблуках и в коротких платьях – частью настоящие женщины, частью трансвеститы-катои.

– Вот мы и пришли! – радостно заявил брат Пон. – Заходи, не бойся!

В «Розовой кошечке», рядом с которой мы остановились, я не бывал никогда, но выглядела она как типичный паттайский бар – широкая стойка, где можно танцевать, стеллаж с батареей бутылок, длинные высокие столы и табуреты при них, тусклое красноватое освещение, зеркала во всю заднюю стену. И «девушки», а на самом деле юноши, – на высоченных каблуках, в лохматых париках под рок-звезд семидесятых, в коротеньких платьицах, с выпирающими силиконовыми грудями и гладко выбритыми ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gor_oleg/prosvetlennye-vidyat-v-temnote-kak-prevratit-porazhenie-v-pobedu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить